

**НОВЫЕ КОНТУРЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
КОНТРОЛЯ НАД СТРАТЕГИЧЕСКИМИ ВООРУЖЕНИЯМИ**

DOI: 10.20542/2307-1494-2019-1-96-121

Аннотация Статья посвящена проблемам обеспечения стратегической стабильности в условиях значительного ухудшения международной обстановки, особенно взаимоотношений России и США. Анализируются основные факторы этого обострения. Среди прочего, такое обострение делает невозможным переход к безъядерному миру в обозримой перспективе. Ставится задача выработки новых основ стратегической стабильности и оценки ее глобальных параметров. Новая концепция стратегической стабильности уже не может быть сфокусирована лишь на приоритетности недопущения ядерного конфликта между крупнейшими ядерными державами, но также должна учитывать всю совокупность факторов, определяющих парадигмы безопасности в реалиях современного миропорядка. Рассматриваются текущие программы модернизации стратегических сил России с точки зрения поддержания стратегической стабильности и защиты национальных интересов страны.

Ключевые слова стратегическая стабильность, Россия, США, военная доктрина, Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ), противоракетная оборона (ПРО), гонка вооружений, стратегический баланс, ядерное сдерживание, глобальная безопасность

Title New tenets for strategic stability and prospects for strategic arms control

Abstract The article explores the problems of strategic stability in the context of a significant deterioration of the international situation, especially the U.S.-Russia relations. The main drivers and factors of this deterioration are analyzed. Among other things, they make the transition to a nuclear-free world impossible in any foreseeable future. Against this backdrop, the author formulates the imperative for developing new foundations of strategic stability and assessing its new global parameters. It is argued that the new concept of strategic stability can no longer be reduced to its narrow interpretation as prevention of nuclear confrontation among major nuclear powers. Instead, it should consider the entire, wide range of factors that determine security paradigms in realities of the contemporary world order. The article also examines current programs for modernization of Russian strategic forces in view of strategic stability maintenance and protection of Russia's national interests.

Keywords strategic stability, Russia, United States, military doctrine, Strategic Arms Reduction Treaty (START), missile defense, arms race, strategic balance, nuclear deterrence, global security

I. Введение: к новому пониманию «стратегической стабильности»

В последние годы уже стало банальным утверждение, согласно которому процесс контроля над вооружениями, оставаясь важнейшим фактором укрепления международной безопасности, находится в глубоком кризисе. У ведущих экспертов в этой области растет убежденность в том, что налицо чуть ли не коллапс всей многолетней системы международно-правовых режимов и договоренностей, особенно после фактического выхода Вашингтона из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) 2 февраля 2019 г. и последующей зеркальной реакции Москвы. При этом реалистичные рецепты исправления ситуации отсутствуют. В мире нарастает растерянность и неуверенность в завтрашнем дне, вновь стали расхожими заявления о близости ядерной войны.

Усилившееся противостояние Запада и России, прежде всего США и РФ, по целому ряду ключевых мировых проблем, доходящее до так называемой гибридной войны и информационного «спарринга-троллинга», не могло не сказаться и на вопросах контроля над вооружениями. В отличие от времен исторической «холодной войны», этот важнейший для поддержания национальной безопасности ведущих держав и для глобальной стратегической стабильности в целом блок проблем не обладает «иммунитетом» от воздействия общего состояния отношений между Россией и Западом. На современном этапе эта проблематика крайне политизирована и стала важнейшей частью внутривнутриполитической повестки. Несмотря на наличие уже готовых технических решений, данный фактор не позволяет их реализовывать на практике и продвигаться к заключению новых взаимовыгодных и равноправных договоренностей во имя укрепления глобальной стабильности, снижения международной напряженности и уровня военной угрозы.

Не оправдались и надежды на то, что итоги президентских выборов в США 2016 г. и выборов в европейских государствах помогут добиться позитивных сдвигов на этом направлении. Сегодня ничто не свидетельствует в пользу того, что с администрацией Д.Трампа или руководством блока НАТО удастся договориться о приемлемых для России решениях в области снижения ядерной угрозы. Однако это не означает, что Москва должна воздерживаться от выдвижения новых инициатив, ибо, кроме нее, этого не сделает никто. Застой в данной сфере грозит новыми неожиданными кризисами, нестабильностью и общей непредсказуемостью.

Если же, несмотря на понятное разочарование и на неприятие западной точки зрения, России все же удастся сформировать и предложить пакет новых идей в области контроля над вооружениями, то это не только дополнительно укрепит ее престиж как ведущей и уважаемой (а не порицаемой «ревизионистской») мировой державы, но и будет способствовать стабилизации обстановки в Европе и мире в целом. Успех, как минимум, добавит России сторонников на Западе, на Востоке и в «третьем мире», а как максимум – поможет вывести процессы контроля над вооружениями из нынешнего глухого тупика. Поэтому России, параллельно укреплению собственной безопасности, следует целеустремленно формировать свою позитивную повестку в области контроля над стратегическими вооружениями и продвигать ее во взаимоотношениях с партнерами с тем, чтобы попытаться, в конечном счете, преодолеть нынешний кризис и системный разлад во всей инфраструктуре международной безопасности. В самой России также необходимо восстанавливать и развивать частично утраченный потенциал и уже накопленный интеллектуальный задел в сфере решения вопросов контроля над вооружениями,

растить достойную смену заинтересованных, знающих и патриотически настроенных молодых специалистов.

Если тематика контроля над стратегическими наступательными вооружениями (СНВ) после краха ДРСМД пока представляется проблематичной, то ряд перспективных направлений все же остается. Речь идет, например, о мерах укрепления доверия в Европе и в регионах предотвращения опасной военной активности и инцидентов; вопросах нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и предотвращения международного терроризма, в т. ч. с применением таких видов оружия; работе в формате «пятерки» Совета Безопасности (СБ) ООН; ядерных программах КНДР и Ирана; проблематике кибероружия и кибепреступности; возможности нейтрализации тактики пресловутых «гибридных войн». Активность на этих направлениях поможет переломить нынешнюю опасную и тупиковую ситуацию, обеспечить бóльшую предсказуемость и стабильность. Ведущие российские эксперты должны сформулировать соответствующие предложения для руководства страны.

Одновременно, пока еще не поздно, следовало бы вплотную заняться анализом новых контуров стратегической стабильности, вызовов и угроз в области безопасности, влияния на нее новых видов вооружений (гиперзвуковых, лучевых, космических, сетевых и т. п.), а также характера войн и конфликтов в современных условиях. Это, прежде всего, потребует глубинного пересмотра всей концепции стратегической стабильности, которая служит теоретической основой военной политики и параметров российской позиции по контролю над вооружениями. Без этого невозможна разработка новых подходов в области контроля над вооружениями, к которому, несмотря на нынешний обструкционизм со стороны США, рано или поздно придется вернуться.

После окончания Второй мировой войны «стратегическая стабильность» трактовалась как такое состояние советско-американских отношений и отношений между Организацией Варшавского договора (ОВД) и НАТО, при котором, в случае гипотетической угрозы ядерного конфликта, обе стороны будут иметь возможность постоянно наносить неприемлемый ущерб противнику и практически уничтожить друг друга (а заодно и весь остальной мир). Стремясь обогнать противника в гонке ядерных вооружений, каждая сторона одновременно воздерживалась от крайних, опрометчивых шагов по всему спектру противостояния, дабы не спровоцировать противника на наступательные действия и не привести к непоправимой эскалации конфликта. Таким образом, были выработаны парадигмы кризисной стабильности, или стабильности гонки вооружений.

Однако сегодня разработка расширенной концепции стратегической стабильности предполагает принципиально новый методологический подход к этому понятию с учетом особенностей современной ситуации и множественности ядерных субъектов, а также новых видов вооружений (например кибероружия, боевых дронов, искусственного интеллекта). Все это требует поиска инновационных подходов к соглашениям по сокращению ядерных вооружений и по тематике ПРО. Соответственно, стратегическая стабильность должна охватывать не только спектр ядерных вооружений, но и сферу новых стратегических инструментов силы – космических и высокоточных обычных вооружений, информационного оружия и кибероружия и даже, с учетом недавних событий, область так называемых гибридных войн.

Главная цель стратегического сдерживания состоит в предотвращении перерастания конфликта из латентной фазы в «демонстрационную» и, прежде всего, в военную, а в случае невозможности недопущения военной фазы – в ее

купировании на самых нижних ступенях эскалации. Соответственно, задача России состоит в удержании конфликта в ходе его возможной эскалации на самых нижних ее «ступенях» – то есть в деэскалации. Хотя российские военные и отрицают возможность деэскалации ядерного конфликта, в 2003 г. в официальных документах РФ появились планы «деэскалации агрессии... угрозой нанесения или непосредственно осуществлением ударов различного масштаба с использованием обычных и/или ядерных средств поражения». При этом предполагалась возможность «дозированного боевого применения отдельных компонентов Стратегических сил сдерживания»¹.

Впоследствии этот тезис публично не выдвигался. Сегодня реальная ядерная доктрина России остается закрытой. Можно только предполагать возможность ограниченного первого ядерного удара, призванного не ожесточить, а «отрезвить» агрессора, заставить его прекратить атаку и перейти к переговорам. При его сопротивлении возможно и использование ядерного оружия с нарастающей массированностью как в количественном отношении, так и по мощности боезарядов. Понятно, что ответ на любое ядерное нападение будет мгновенным и со всеми вытекающими последствиями. Однако было бы ошибочным полагать, что он будет основан на использовании всей мощи стратегических наступательных вооружений, хотя перспектива такого ответа и является важным элементом сдерживания. При этом обеспечение кризисной стабильности означает отсутствие у потенциальных противников мотивов для нанесения упреждающего контрсилового удара еще на «демонстрационной» фазе конфликта.

Концептуальные положения ядерного сдерживания с его логической цепочкой «устрашение – угроза неминуемого возмездия – последующий неприемлемый ущерб» практически не изменились. Именно «неприемлемый ущерб» (критерии которого видоизменялись после окончания «холодной войны») остается главным фактором убеждения потенциальных противников в высоком риске агрессии и, таким образом, поддерживает стратегическую стабильность. Эти факторы также определяют требования к оптимальному составу и размерам стратегического арсенала сдерживания как особого способа недопущения угрожающей РФ военно-политической ситуации.

В российских и зарубежных исследованиях в области политики безопасности понятие стратегической стабильности сегодня зачастую сводится к более узкому его пониманию как «ядерной стабильности» и как проблематики исключительно ядерного сдерживания. В то же время, в соответствии с новой редакцией Военной доктрины РФ, принятой 25 декабря 2014 г., одна из основных задач заключается в «поддержании глобальной и региональной стабильности и потенциала ядерного сдерживания на достаточном уровне»,² а одна из ключевых угроз – в попытке подорвать эту стабильность. Стратегическая стабильность также упоминается в качестве одного из «стратегических национальных приоритетов»³ в «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.». Можно вспомнить и «классическое» определение из «Совместного заявления США и СССР относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности»⁴ от 1 июля 1990 г. В силу ключевой роли ядерных вооружений в сфере безопасности стратегическая стабильность и поныне остается приоритетным вопросом российско-американского взаимодействия, независимо от колебаний в двусторонних отношениях.

В настоящее время от российских и западных военных и экспертов требуется разработка новой «философии войны», актуальной редакции «нового мышления во внешней политике», учитывающей нынешнюю фазу мирового развития и

реагирующей на появление новых средств ведения войны, новые среды и методы противостояния (например, на появление новых видов оружия массового уничтожения, «сетевые угрозы», вызовы, связанные с информационным оружием и «кибервойнами», и т. п.).⁵ На современном этапе концепция стратегической стабильности отличается от «классической» трактовки периода «холодной войны», когда стабильность определялась как устойчивость системы взаимных сдержек и противовесов в области центрального ядерного баланса между двумя антагонистическими военно-политическими блоками и противоборствующими военно-стратегическими потенциалами. Такая система не допускала стимулов к первому удару, а также непредсказуемого развития в случае кризисов или обострения гонки вооружения в области ядерных арсеналов.

Сегодня стратегическая стабильность уже не привязана и не сводится исключительно к концепциям ядерного противостояния. Ее понимание не ограничивается узкой интерпретацией, согласно которой суть стратегической стабильности состоит в отсутствии стимулов к нанесению первого удара в ситуации сохраняющегося ядерного противостояния (пусть и с учетом новых стратегических факторов), появления новых ядерных держав и угрозы распространения ОМУ. Многополярный мир ставит более сложные вопросы: как реагировать на разноплановые угрозы и вызовы национальной безопасности государства и его союзников, как купировать уязвимость страны к попыткам ущемить жизненные интересы и, наконец, каким образом приводить систему международных отношений в состояние некоего динамического равновесия, смягчая ее разбалансировку в результате кризисов и конфликтов.

Сегодня поддержание стратегической стабильности – это выстраивание такой системы миропорядка, которая способна уберечь отдельные регионы (в частности, Россию и Евразию), а также мир в целом от крупных вооруженных конфликтов и стратегических вызовов, угрожающих интересам всех стран при возникновении политического кризиса.⁶ Таким образом, стратегическая стабильность в широком смысле сводится к понятию международной безопасности. Ее «практический» вариант основан на системе критериев наличия или отсутствия стимулов к нанесению первого удара и параметрах обеспечения национальной безопасности.

Для России стратегическая стабильность означает некое желаемое и прогнозируемое состояние в системе взаимодействий основных участников международных отношений в любых крупных международных конфликтах, которое не позволяло бы им выходить на уровень крупного военного конфликта. Соответственно, стратегическая стабильность должна охватывать не только спектр ядерных вооружений, но и сферу новых стратегических инструментов силы – космические и высокоточные обычные вооружения, потенциалы всех крупных держав, ресурсы информационного оружия и кибероружия.

Если стратегическая стабильность в условиях фиксированного противостояния двух антагонистических блоков описывалась простыми математическими инструментами (например, с использованием методов теории игр), то для отображения нынешней хаотической ситуации наличия многих ядерных держав, сложного состава коалиций и высокого уровня военно-политической неопределенности необходима уже принципиально иная, гораздо более сложная и комплексная модель, которую еще только предстоит продумать и создать. Все это требует прорывных комплексных мультидисциплинарных исследований с участием представителей научной и политической экспертизы и выработки новых алгоритмов стратегической стабильности с учетом не только военных, но и политических и геостратегических факторов мировых процессов. Без такого

анализа невозможно адекватное понимание и проблематики контроля над вооружениями.

II. Прекращение контроля над вооружениями после «приостановления» ДРСМД?

Итоги прошедшей 16 июля 2018 г. в Хельсинки встречи президентов России и США и последующие консультации экспертов внушали осторожный оптимизм. Судьба ДРСМД тогда полностью зависела от политической воли и устремлений администрации США. Однако желаемых сдвигов в ее подходе до конца 2018 г. не произошло, несмотря на конфиденциальные контакты с российской стороной. Соответствующее заявление о судьбе договора сделал президент Д.Трамп, а до сведения российской стороны американскую позицию довел приезжавший в октябре 2018 г. в Москву советник Трампа по национальной безопасности Дж.Болтон. Администрация Трампа отвергла все российские призывы договориться о возможных компромиссных подходах. Еще одним негативным фактором стала отставка министра обороны США Дж.Мэттиса, который поддерживал сохранение ДРСМД. По всей видимости, возобладало мнение Дж.Болтона о том, что с выходом из договора ничего страшного не случится, безопасность США только укрепится, а стратегическая стабильность не пострадает.

Не впечатлил США и российский проект резолюции в поддержку ДРСМД, представленный на 73-й сессии Генеральной ассамблеи (ГА) ООН, который не был поддержан западными странами. 21 декабря 2018 г. под американским нажимом ГА ООН большинством голосов отклонила предложенную Россией резолюцию, призывавшую поддержать Договор по ракетам средней и меньшей дальности. Многие западные страны аргументировали это тем, что Россия якобы продолжает нарушать договор. Впрочем, число воздержавшихся стран превысило число голосовавших против, что было расценено в Москве как вынужденно молчаливая поддержка российского предложения в условиях политического давления со стороны США.

Для России (как ранее и для СССР) этот прорывной для своего времени договор, который сегодня подвергается такой жесткой критике, был крайне выгоден. Его никоим образом нельзя считать односторонним разоружением. Хотя США ликвидировали тогда 800 ракет, последние могли за считанные минуты уничтожить всю европейскую часть Советского Союза, прежде всего объекты систем предупреждения и боевого управления. При этом из тех 1800 ракет, которые ликвидировал СССР, ни одна не достигала территории США – они угрожали лишь их европейским союзникам.

Разумеется, на односторонний выход США из ДРСМД Россия дала жесткий и незамедлительный «зеркальный» ответ. Речь может идти даже о коренном пересмотре российской военной доктрины с упором на первый превентивный обезоруживающий удар по новым ракетным установкам, если они появятся вблизи российских границ.

Сегодня нет никаких перспектив присоединения к ДРСМД других стран с ракетными системами наземного базирования средней и меньшей дальности, чего формально добивается Вашингтон, особенно с учетом потенциала и позиций Китая (у которого на такие ракеты приходится 90% всего ракетного арсенала), а также Ирана, Израиля, Пакистана, Индии и КНДР.

Дж.Болтон неоднократно намекал, что новые системы необходимы США для сдерживания возросшей мощи КНР и будут размещены лишь в Азии, прежде всего на о-ве Гуам. При этом следует отметить, что и Польша, и страны Балтии приветствовали бы такие ракеты на своей территории для сдерживания «реваншистской», по их мнению, политики Москвы. Возвращаясь к перспективе размещения американских РСМД в Азии, можно отметить, что ни Южная Корея, ни Япония, ни Филиппины, ни Тайвань такие ракеты не примут, а нанести удар из Австралии по Китаю в случае возникновения ядерного конфликта с ним американские военные смогут лишь межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР). Даже с Гуама достигнуть Китая смогут только баллистические ракеты средней и меньшей дальности (БРСМД), которых у США пока что нет.⁷ Пекин ДРСМД не подписывал и подписывать не собирается, учитывая особенности потенциала своих ядерных и обычных сил и полным ходом идущее наращивание военной мощи в регионе. Как полагают в Пентагоне, в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) Китай нацеливает свои ракеты не только на соседний Тайвань, но и на авианосцы США, американские базы в АТР, Японию, Южную Корею, а возможно, и на ряд других соседних азиатских стран и Австралию. Для того чтобы активно противостоять постоянно растущим морским силам КНР и таким их ракетам средней дальности, как весьма точная гиперзвуковая китайская новая ракета DF-26С (известная также как «убийца авианосцев») и ее предшественница DF-21, американские военные должны обладать в этом обширном регионе высокоточными ракетами, которые могут преодолевать расстояние 1500–2500 км. и летать гораздо быстрее, чем нынешние «Томагавки», размещенные на кораблях и подводных лодках военно-морских сил (ВМС) или их будущие более дальнбойные крылатые сменщики.

Тем не менее России не следует впадать в уныние или раздражение из-за решения США разрушить ДРСМД, используя обвинения в адрес Москвы для прикрытия и оправдания развития их собственных давно развернутых программ, запрещенных этим договором. Вместо этого следует активизировать политико-дипломатические усилия и информационную работу по доведению до западных партнеров (прежде всего, США и НАТО с акцентом на Европу) веских аргументов об опасных негативных последствиях разрушения ДРСМД, а также о характере и возможных последствиях незамедлительных ответных мер. Как следует из Декларации саммита в Брюсселе в мае 2018 г., европейские члены НАТО выступали (хотя неуверенно и с оговорками о доверии к американским аргументам) за сохранение ДРСМД, несмотря на поддержку со стороны НАТО американской кампании обвинений России в несоблюдении договора.

Россия вполне может претендовать на лидирующую роль в решении задачи предотвращения разрушения международной системы контроля над вооружениями после слома ДРСМД. В активной работе по выполнению данной задачи следует задействовать не только научно-экспертное сообщество и военных специалистов, но также депутатов Федерального собрания и представителей гражданского общества. У российской позиции есть перспективы быть услышанной, прежде всего, в Европе – в академических кругах, во влиятельных общественных организациях, реалистично настроенными политиками, дипломатами и широкой общественностью. Не следует считать такие усилия наивными или заранее обреченными на провал лишь на том основании, что на Западе теперь нет тех активных «борцов за мир», которые выступали против американских «першингов» в 1980-е гг. Российские парламентарии могли бы, например, создать двусторонние целевые группы с коллегами из Европарламента и национальных европейских

парламентов, а также из Конгресса США. Кроме того, было бы полезно провести слушания в Государственной Думе и Совете Федерации по проблеме ДРСМД и о перспективах его замены и подготовить доклад по итогам таких слушаний.

Без лишнего драматизма следует отметить, что крах ДРСМД не только положит конец прогрессу в области контроля над вооружениями и нераспространения ОМУ, но и дестабилизирует всю международную ситуацию. В этих условиях нужно постоянно подчеркивать российскую готовность обсуждать вопросы будущего облика стратегической стабильности. Медлить нельзя: необходимо определяться с тем, что делать без ДРСМД и как вести переговоры с администрацией Трампа в этой сфере.

Несмотря на возражения стран «старой Европы», в принципе не исключено появление ракет средней дальности США в европейском регионе, причем уже не в ФРГ (как это было в 1980-х гг.), а в Польше, Румынии, Прибалтике или даже на Украине, что сейчас пока представляется почти невероятным. В таком случае это будут не баллистические «Першинги-3», а планирующие системы с гиперзвуковыми крылатыми боевыми блоками, летающие по непредсказуемым траекториям, что серьезно затруднит, если вообще не сделает невозможным, их раннее обнаружение и перехват. Это увеличит привлекательность сценария упреждающего превентивного удара по ним, что, в свою очередь, резко повысит шансы ядерной эскалации во время конфликта.

Можно было бы потребовать принятия блоком НАТО заявления о том, что ни один из членов альянса не будет размещать запрещенные ДРСМД ракеты или любые эквивалентные новые ядерные потенциалы в Европе до тех пор, пока Россия не развернет запрещенные договором системы, которые могут достичь территории НАТО. Это могло бы привести к отказу Вашингтона от своих планов в отношении запрещенной ДРСМД новой ракеты наземного запуска. В такой ракете нет необходимости, так как США и их союзники по НАТО уже давно способны развернуть системы воздушного и морского базирования, которые могут угрожать ключевым российским целям. Основные союзники США, включая ФРГ, уже заявили о своем несогласии с размещением в Европе новых ракет средней дальности и потенциально могли бы оказать давление на Польшу и страны Балтии в этом вопросе. Кроме того, влиятельные члены Конгресса США внесли законопроект, блокирующий финансирование закупок любых систем, которые запрещены ДРСМД.

Другой возможный подход мог бы заключаться в проведении переговоров по новому соглашению, которое запретило бы оснащенные ядерными боеголовками баллистические или крылатые ракеты меньшей и средней дальности и дало бы возможность контролировать такой запрет. Как полагают авторы недавнего исследования Института ООН по исследованию проблем разоружения (UNIDIR), уже предусмотренные новым Договором о стратегических наступательных вооружениях (ДСНВ) 2010 г. сложные процедуры и технологии контроля практически без каких-либо изменений могут применяться и для проверки отсутствия ядерных боеголовок, развернутых на ракетах меньшей дальности. Такой подход потребовал бы принятия дополнительных заявлений, а также инспекций любых наземных систем РСМД договорного радиуса действия. Для того чтобы такая договоренность имела реальное значение, потребуются, чтобы Москва и Вашингтон договорились продлить новый ДСНВ на пять лет.

При сценарии, когда Россия и США начнут фактически разрушать основы системы механизмов разоружения и контроля над вооружениями, малые страны и государства «третьего мира» получат серьезные стимулы к выходу из режима

нераспространения ядерного оружия. Это спровоцирует и обрушение других режимов нераспространения – в первую очередь, Режимы контроля за ракетной технологией (РКРТ) – и стимулирует новую, уже многостороннюю, гонку вооружений в мире.

России не следует спешить акцентировать внимание на тех системах, которые она собирается немедленно создавать для зеркального ответа. Это лишь укрепит позиции тех сил в НАТО, которые постоянно заявляют, что РФ сама нарушила ДРСМД, давно создает базу для развертывания запрещенных договором систем (например, крылатых ракет «Калибр» и гиперзвуковых комплексов) и теперь дождалась своего часа. Вместо этого Москва могла бы подчеркивать, что ответ будет мощным и своевременным, но пропорциональным, и что она не даст втянуть себя в гонку вооружений и заинтересована в поддержании стратегической стабильности.

Как представляется, со стороны России также имела место недооценка некоторых важных нюансов.

Уже с 2014 г. российские военные могли показать ракету 9М729 (которая, по мнению США, нарушает ДРСМД) в разных вариантах, что позволило бы продемонстрировать объем топливного отсека и энергетические параметры топлива маршевого двигателя, предположительно аналогичного двигателю ракеты «ЗМ14» ракетного комплекса Калибр-НК. Россия также могла бы пригласить наблюдателей на пуски с ракетного полигона в Капустинском Яре (естественно, без передачи телеметрии) и в дивизионы 119-й ракетной бригады 4-й армии Центрального военного округа (ЦВО) под Екатеринбургом, где, по мнению американской стороны, такие ракеты уже развернуты. Произошедший показ контейнера этой новой ракеты в ангаре обнаружил, что он лишь на 50 см длиннее, чем контейнер старой ракеты «Искандер» 9М928, о которой американцы никогда не ставили вопрос в контексте соблюдения ДРСМД. Россия поясняла, что эти дополнительные 50 см объясняются более мощным боезарядом и более совершенным блоком наведения. Американцы же посчитали, что эти 50 см сигнализируют об увеличенном топливном отсеке, который превращает ракету с заявленной дальностью в 500 км в ракету с дальностью в 1500 км. Далее имел место «диалог глухих».

Несмотря на отказ НАТО допустить российских инспекторов к Мк-41 в Румынии, для России было бы целесообразным сделать упомянутые выше шаги навстречу другой стороне в одностороннем порядке и без требований взаимности – для того, чтобы изменить восприятие планов РФ, в т. ч. в общественном мнении Запада, в более позитивном направлении.

Наряду с обсуждением спорных вопросов и нахождением приемлемых компромиссов по ним, Россия и США гипотетически могли бы рассмотреть вопрос о некоторой модификации положений ДРСМД с учетом произошедшего в мире за 30 лет технического и технологического прогресса в области разработки и создания вооружений, а также политических изменений, имевших место со времени вступления договора в силу. Даже в условиях отсутствия действующего ДРСМД вполне реально согласование неких новых «Меморандумов о взаимопонимании», или «Согласованных определений» (по аналогии с «Договором по противоракетной обороне 1972 года»), которые описывали бы характеристики вновь появившихся технологий и систем вооружения и позволяли бы отличать их от систем средней и меньшей дальности наземного базирования.⁸ Пока же, несмотря на неблагоприятную ситуацию, остается только убеждать другую сторону в приверженности России важному и не устаревшему соглашению и в готовности к

переговорам. Тем временем можно продолжать разрабатывать новые системы вооружений силами отечественного оборонно-промышленного комплекса (ОПК).

III. Контроль над стратегическими вооружениями: возможны ли варианты?

Нынешняя ситуация с ДРСМД и кризис во взаимоотношениях РФ с США и НАТО могут ухудшить перспективы продления действующего соглашения по стратегическим наступательным вооружениям (срок действия которого истекает в 2012 г.), не говоря о выработке очередного Договора по СНВ. Если нынешнее соглашение не удастся продлить на пять лет, это нанесло бы серьезный ущерб стратегической стабильности и, как опасаются многие представители экспертного сообщества, вообще похоронило бы контроль над вооружениями. Кроме того, пострадали бы и другие важные, уже многосторонние, соглашения – такие, как Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и еще не вступивший в силу Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Многие эксперты полагают, что именно ДНЯО, зачастую критикуемый маргинальными политиками и наблюдателями, может стать следующей жертвой этого процесса. Все это ставит под вопрос возможность достижения позитивного результата на следующей Обзорной конференции по ДНЯО в 2020 г.

В мае 2002 г., т. е. еще в тот период, когда в Москве сохранялись надежды на возможность выстраивания равноправных взаимовыгодных отношений с США на новой основе, президенты Дж.Буш-младший и В.Путин подписали Договор об ограничении стратегических наступательных потенциалов (СНП). Этот двухстраничный договор, в отличие от исторического СНВ-1, не содержал согласованных определений стратегических систем, подсчета, правил проведения инспекций или мер проверки, а лишь ограничивал СНВ каждой из сторон не более чем 1700–2200 развернутыми на позициях стратегическими боезарядами. Срок действия этого Договора истек 31 декабря 2012 г. Однако полноценного договора с США после СНВ-1 Россия не заключала уже практически 20 лет. До этого был еще «промежуточный» рамочный договор СНВ-3 1997 г., который исправлял ошибки, допущенные при заключении невыгодного для РФ Договора СНВ-2. Он, в частности, не предусматривал запрет на многозарядные наземные МБР с разделяющимися головными частями (РГЧ). Однако этот договор так и не был ратифицирован.⁹

5 февраля 2011 г., вступил в силу американо-российский Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, подписанный Д.Медведевым и Б.Обамой в Праге 10 апреля 2010 г. (Пражский договор). С инициативой начать новый переговорный процесс в июне 2006 г. выступил президент РФ В.Путин. В своем выступлении в Праге в апреле 2009 г. лауреат Нобелевской премии мира Б.Обама, перехватив традиционные советские лозунги, заявил о «приверженности Америки делу мира и безопасности – то есть безопасности в мире без ядерного оружия» и утверждал, что будет стремиться уменьшить роль ядерного оружия в американской политике национальной безопасности. Однако при этом он добавил, что до тех пор, пока существует ядерное оружие, США будут поддерживать «безопасный, надежный и эффективный ядерный арсенал». Разработка нового документа по предложению США началась сразу после встречи президентов Д.Медведева и Б.Обамы в Лондоне в апреле 2009 г. и завершилась спустя 11 месяцев подписанием договора.

Сенат США одобрил его 22 декабря 2010 г., а Госдума и Совет Федерации РФ – 25 января и 26 января 2011 г., соответственно.

Пражский договор 2010 г. представляет собой компромисс, но при этом в нем, безусловно, учтены интересы национальной безопасности России, включая отказ от действовавших ранее дискриминационных ограничений по позиционным районам базирования мобильных ракетных комплексов. Фактически, данный договор основан на СНВ-1. Он предусматривает, что каждая из сторон сокращает и ограничивает свои СНВ таким образом, чтобы через семь лет после его вступления в силу (и в дальнейшем) их суммарное число не превышало 700 единиц для развернутых межконтинентальных баллистических ракет (МБР), баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) и тяжелых бомбардировщиков (ТБ), 1550 единиц боезарядов на них и 800 единиц для развернутых и неразвернутых пусковых установок (ПУ) МБР и БРПЛ, а также ТБ. Договор впервые ввел понятия «неразвернутых» носителей и ПУ, т.е. единиц, не находящихся в боевой готовности, а используемых для обучения или испытания и не несущих боеголовок (тогда как СНВ-1 и СНВ-2 охватывали ядерные боезаряды, размещенные на развернутых стратегических носителях). Каждая из сторон имеет право самостоятельно определять состав и структуру своих стратегических наступательных вооружений в установленных договором суммарных пределах. Также прописан запрет на базирование СНВ за пределами национальной территории.

По мнению как российских, так и американских военных, договор 2010 г. пока соблюдается практически без проблем. Он предусматривает контрольный механизм, который обеспечивает необратимость и транспарентность процесса сокращений СНВ. При этом упрощены процедуры переоборудования и ликвидации средств СНВ. Обмен телеметрической информацией о пусках ракет осуществляется по взаимному согласованию и на паритетной основе не более чем по пяти пускам в год. Два раза в год стороны должны производить обмен информацией о числе боеголовок и носителей. В год предусмотрено 18 инспекций баз стратегических сил и 42 уведомления о статусе СНВ сторон (это меньше, чем по договору СНВ-1).

В рамках Пражского договора 2010 г. сохраняется и ряд таких проблем, которые необходимо решать в будущем. Например, неучтенным остался так называемый «возвратный потенциал» – складированные ядерные боезаряды: США сохраняют возможность резкого наращивания развернутых систем ядерного оружия за счет их резерва до 2000 боезарядов. Технически эта часть ядерного арсенала может быть развернута достаточно быстро, если какая-либо из сторон решит вдруг выйти из договора.

Другая проблема связана с высокоточными обычными системами. Новый договор не проводит различий между ядерными ракетами и ракетами с обычным оснащением: ограничено число носителей и боезарядов без указания их класса. Таким образом, высокоточные ракеты в обычном оснащении тоже подпадают под действие этого соглашения. Поэтому США не могут в большом количестве развернуть высокоточные системы в рамках еще не реализованной концепции «Глобального молниеносного удара». Попутно следует отметить, что эта столь беспокоящая российских военных концепция является, скорее, мифом, так как для ее реализации у США пока нет ни готовых систем, ни финансирования.

Тем не менее повышение точности крылатых ракет «Томагавк», имеющих среднее круговое отклонение порядка 10 м, заставило некоторых специалистов предположить, что недалеко то время, когда у нападающей стороны будет

возможность наносить первый обезоруживающий удар обычными боезарядами. Это полностью изменило бы характер войны и уже требовало бы полного пересмотра концепции стратегической стабильности. Если такой удар будет массированным и в целом успешным, та страна, которой грозит нападение, окажется не только беззащитной перед лицом противника (уцелеть удастся лишь ракетам на подводных лодках и успевшим взлететь бомбардировщикам), но и в тяжелом положении стороны, которой, вероятно, придется первой попытаться нанести удары по городским агломерациям, промышленным предприятиям и центрам управления агрессора. Впрочем, такой сценарий оспаривается многими другими экспертами, указывающими на то, что атака ракетами с обычными боевыми частями не гарантирует поражения всех стратегически важных объектов на 100%.¹⁰ У США отсутствует достаточное количество высокоточных крылатых ракет, необходимых для одномоментного поражения российских стратегических носителей, которое позволило бы предотвратить ответный удар.

Требуют определения и новые ракетно-планирующие и гиперзвуковые системы. В Пражском договоре отсутствует определение таких систем, которые стартуют как баллистическая ракета, а затем совершают сложный маневр по непредсказуемой траектории.

Два положения документа касаются противоракетной обороны (ПРО): первое – взаимосвязи стратегических наступательных (ядерное оружие) и оборонительных вооружений (системы противоракетной обороны) в преамбуле, второе – запрета на переоборудование пусковых установок МБР и БРПЛ в пусковые установки для перехватчиков ПРО, а также их обратного переоборудования. Однако ограничения в отношении ПРО в договоре отсутствуют. Кроме того, принцип подсчета вооружения стратегических бомбардировщиков носит довольно условный и спорный характер, исходя из формулы «один бомбардировщик – один заряд», а не фактического оснащения, как в СНВ-1.

В целом, по мнению российской стороны, новый договор о сокращении СНВ соблюдается практически без проблем и является хорошим примером выполнения договоренностей по контролю над вооружениями.

Примечательно, что на заседании Государственной Думы РФ, посвященном итоговому голосованию по Договору о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений 2010 г., депутаты приняли два заявления с обращением к руководству России. В них говорилось о необходимости ускорить обновление ядерных сил и отслеживать процесс строительства противоракетной обороны США в Европе, а также вывод с континента американских тактических ядерных сил. В условиях ограниченности ресурсов даже сейчас, когда РФ выделяет на ядерное оружие значительные средства (несмотря на несопоставимость экономических возможностей США и России), для РФ этот договор означает, что российские СНВ не будут сокращаться в одностороннем порядке и американские системы будут сокращаться вместе с нашими. Значительно уступая и США, и Китаю по ВВП и экономическим возможностям, Россия остается сверхдержавой по ракетно-ядерному критерию военной мощи.

В середине 2010-х гг. США и РФ опять вступили в период серьезной напряженности во взаимоотношениях. Представляется, что такая напряженность, если не враждебность, сохранится, по крайней мере, в среднесрочной перспективе и будет сопровождаться значительной «турбулентностью». Между сторонами сохранятся серьезные разногласия и даже возможен острый конфликт. Геополитические противоречия усугубляются укреплением военных потенциалов:

кибернетического, космического, противоракетного, а также потенциала для нанесения «глобального молниеносного удара». Все это усиливает неопределенность, связанную со стратегической стабильностью. Если не будут приняты меры для сглаживания проявлений этих тенденций, конфликт между США и Россией станет более вероятным, а его возможная эскалация – более драматичной и серьезной.

В начале 2018 г. запас министерства обороны США оценивался в 4000 ядерных боеголовок для доставки более чем 800 баллистическими ракетами и бомбардировщиками. По состоянию на 1 сентября 2018 г. ядерный арсенал США включал 1398 развернутых стратегических боеголовок, развернутых на 659 стратегических ракетах и бомбардировщиках, из них 400 МБР и более 250 БРПЛ. Кроме того, 150 американских нестратегических ядерных бомб хранятся на европейских базах.

США планируют запустить новую, беспрецедентную по масштабу программу стратегической модернизации. В частности, речь идет о замене боеголовок W76-1 на БРПЛ «Трайидент-2» D5LE на маломощные с опасным контрсиловым потенциалом (W76-1/MK4A и W88/MK5) с целью обеспечить возможность быстрого реагирования с преодолением противоракетной обороны противника.¹¹ Планируются новые МБР на замену ракете «Минитмен-3», которая также будет модернизироваться с переходом на новую боеголовку W87. В рамках программы “Ground Based Strategic Deterrent” стоимостью в 85 млрд. долл. ведется разработка новой, возможно мобильной, межконтинентальной ракеты вместо «Минитменов». Будут созданы новые крылатые ракеты воздушного запуска LRSO, новые крылатые ракеты на замену «Томагавкам», которых сейчас насчитывается около 6000. Объявлено о плане принять на вооружение новую крылатую ракету в обычном оснащении (AGM-158B JASSM-ER) с увеличенной дальностью, продлен срок службы подлодок «Огайо» и разрабатываются новые стратегические ядерные субмарины “Columbia”. Военно-воздушные силы (ВВС) США получают новый бомбардировщик B-21 “Raider” на замену B-1 и B-52. На поддержание и ускоренную модернизацию этих сил в течение следующих 30 лет будет потрачен триллион долларов. В рамках программы «Глобального молниеносного конвенционального удара» разрабатывается «Перспективное гиперзвуковое оружие» ANW (Advanced Hypersonic Weapon) с дальностью до 8000 км и гиперзвуковой скоростью свыше 5М.¹² Параллельно испытывается гиперзвуковая авиационная крылатая ракета X-51A “Waverider” с дальностью 1800 км и скоростью 5М для оснащения тяжелых бомбардировщиков.

По всем признакам США не намерены сокращать свои стратегические ядерные силы (СЯС) ниже уровня нынешнего Договора по СНВ, причем это арсенал будет постоянно модернизироваться. Всего за период до 2035 г. США потратят на ядерные силы более 50 млрд. долл., что увеличит их долю в американском военном бюджете с нынешних 3% до 7%.¹³

На этом фоне и в условиях, когда под угрозой находятся уже существующие соглашения по контролю над ядерными вооружениями, достижение договоренностей о дальнейших сокращениях избыточных ядерных арсеналов в будущем пока представляется малоперспективным.

Практически прервался диалог между РФ и США и по ограничению и сокращению вооружений. И Россия, и США осуществляют дорогостоящие масштабные программы по замене и модернизации своих стратегических ядерных вооружений, во многом ставящие под вопрос эффективность «традиционного» сдерживания. Команда Д.Трампа, в отличие от администрации Б.Обамы,

планирует развитие систем противоракетной обороны. Создаются Космические силы, то есть США открыто делают ставку на военное доминирование в космосе. Помимо инициирования новой гонки вооружений, политический класс США усиливает давление на Россию по всем фронтам, постоянно обвиняя Москву во вмешательстве во внутренние дела США.

Обострение противостояния сказывается и на ядерной доктрине Вашингтона. Ядерная доктрина – это составная часть военной доктрины государства, в которой излагается его официальная позиция, касающаяся применения, развития, базирования и обеспечения безопасности ядерного оружия, а также по вопросу контроля за распространением и передачей ядерных технологий и материалов.

В «Обзоре ядерной политики» США (Nuclear Posture Review) 2018 г. администрация Д.Трампа сформулировала ряд опасных положений, которые открыто указывают на растущую роль ядерного оружия в американской политико-военной стратегии, в т. ч. в той ее части, которая касается соперничества с Россией и Китаем. Доктринальные положения этой политики Д.Трампа, в т. ч. содержащиеся в «Стратегии национальной безопасности» (National Security Strategy of United States of America) и «Национальной стратегии обороны» (National Defense Strategy), свидетельствуют о том, что Вашингтон рассматривает Россию в качестве главной угрозы своей безопасности. Соответственно, США ведут дело к снижению порога применимости ядерного оружия и к расширению спектра возможных ситуаций, в которых оно может быть применено.¹⁴ В этом отношении заявленная ядерная стратегия администрации Д.Трампа носит более дестабилизирующий характер, чем политика администрации Б.Обамы. Многие эксперты полагают, что предложенный Трампом вариант «Обзора» базируется на тезисах аналогичных документов администрации Дж.Буша-младшего, принятых в 2002 г. Новые установки фактически нивелируют пропагандистские тезисы президента Обамы о «безъядерном мире» и уменьшении роли ядерного оружия. Потребность в ядерном перевооружении обосновывается предполагаемой тайной стратегией Москвы по эскалации конфликта с обычного на ядерный уровень, а также завышенными оценками ядерной угрозы со стороны Китая.¹⁵

Российские же военные отрицают возможность эскалации ядерного конфликта, а В.Путин в Послании от 1 марта 2018 г. заявил, что на любое применение ядерного оружия РФ ответит всем арсеналом своих стратегических сил. По словам министра иностранных дел РФ С.Лаврова, Москву «беспокоит и существенное изменение подходов США в контексте их обновленной ядерной стратегии, предусматривающей повышение роли ядерного оружия, в том числе путем создания и развертывания маломощных зарядов, что ведет к снижению порога применения ядерных вооружений».¹⁶

Однако ситуация все еще не достигла критически опасного характера. По мнению американских и российских ученых, США способны выделить для разоружающего удара по СЯС РФ 80% МБР «Минитмен-3» и примерно 50% БРПЛ «Трайдент-2», т. е. 900 боезарядов. У России же, в соответствии с Договором СНВ, к 2021 г. останутся по 700 развернутых носителей и 1550 боезарядов. В таком случае США потребуются 100 единиц боезарядов для поражения российских систем предупреждения о ракетном нападении (СПРН), командных пунктов, подводных ракетоносцев на базах, аэродромов рассредоточения тяжелых бомбардировщиков и оставшихся в укрытиях мобильных комплексов МБР. Принято считать, что для поражения одной шахтной пусковой установки ракет с вероятностью 0,9 необходимо не менее двух боезарядов средней мощности «Минитмен-3» и БРПЛ «Трайдент-2», т. е. 320–340 боезарядов. В таком случае у

США остается 460–480 боезарядов для поражения российских мобильных ракетных комплексов на маршрутах боевого патрулирования. Тогда в ответном ударе смогли бы участвовать выжившие российские мобильные и стационарные МБР и подводные ракетносцы, заблаговременно ушедшие в море, т. е. в российском ответном ударе использовались бы 700–750 боезарядов. Такой расклад делает для США первый разоружающий удар бессмысленным из-за неминуемого сокрушительного ответа возмездия. Аналогичная ситуация возникает и при возможном сокращении СНВ США и РФ до 1000 развернутых боезарядов и 500 носителей: в этом варианте для ответного удара у России остается 450 боезарядов.¹⁷

Современные стратегические ядерные силы России включают 517 развернутых носителей (при общем числе носителей 775, с учетом неразвернутых) и 1420 ядерных боеголовок баллистических ракет и крылатых ракет тяжелых бомбардировщиков.¹⁸ Их суммарная разрушительная мощь – 700 мегатонн, тогда как у США – 900 мегатонн. В Послании Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. Президент РФ отметил: «...В России разработаны и постоянно совершенствуются весьма скромные по цене, но в высшей степени эффективные системы преодоления ПРО, которыми оборудуются все наши межконтинентальные баллистические ракетные комплексы».¹⁹ В данном случае речь идет как о ракетах прежнего поколения, так и о новых МБР типа «Тополь-М», «Ярс», «Ярс-М» и БРПЛ «Булава-30». Этого потенциала вполне достаточно для преодоления современной и любой реалистически прогнозируемой на следующие 15–20 лет американской системы ПРО.²⁰

Как показало развитие корейского кризиса в 2017 г., у США нет уверенности в том, что их ПРО отразит даже ракеты КНДР. Тем более у Вашингтона не должно быть иллюзий по поводу того, что та же самая ПРО защитит США от массированного российского ядерного удара. При этом отметим, что стратегическая ПРО США (в частности, система наземных противоракет GBI – Ground Based Interceptors) до сих пор не отработана.

Ни один известный автору российский главный конструктор или признанный эксперт в рассматриваемой области пока не отмечал наличие заметного влияния системы ПРО США на российский потенциал ядерного сдерживания в обозримой перспективе.²¹ Российская система ПРО развивается в рамках программы воздушно-космической обороны (ВКО) в рамках Воздушно-космических сил (ВКС). На эту программу было выделено около 20% ассигнований по Государственной программе вооружения до 2020 г., что составило 4,6 трлн. руб. (или 150 млрд. долл. по курсу 2011 г.). Помимо модернизации существующих и создания новых элементов СПРН в составе радиолокационных станций (РЛС) наземного базирования и космических аппаратов, планируется развернуть 28 зенитных ракетных полков, оснащенных комплексами С-400 «Триумф» (около 1800 зенитных управляемых ракет), а также 38 дивизионов (около 1200 зенитных управляемых ракет – ЗУР) перспективной системы С-500 «Прометей». Кроме того, планируются создание новой интегрированной системы управления и модернизация Московской системы ПРО А-135 (под новым названием А-235) с целью придания антиракетам потенциала системы неядерного перехвата.²²

Не секрет, что система российской ВКО предназначена для гарантированной защиты от возможной агрессии США и НАТО. В июне 2013 г. президент Путин заявил: «Эффективная ВКО – это гарантия устойчивости наших стратегических сил сдерживания, прикрытия территории страны от воздушно-космических средств нападения».²³ Очевидно, что в обозримый период такими средствами могут

располагать только США, где президент Д.Трамп решил создать новое Космическое командование. В США уверены в своем научно-технологическом превосходстве и способности преодолеть российский потенциал ядерного сдерживания. В Пентагоне убеждены в возможности американских средств космической разведки обнаруживать районы оперативного развертывания российских грунтово-мобильных ракетных комплексов и стратегических подводных лодок на базах ВМФ или при непосредственном выходе из них. Для этого к 2020 г. на орбиту США будет выведена группировка, состоящая из 21 спутника. Постоянно наращивается и противоракетный арсенал США.

В уже упоминавшемся Послании от 1 марта 2018 г. В.Путин заявил: «...При реализации планов по строительству системы глобальной ПРО, которое продолжается и сейчас, все договоренности в рамках СНВ-III постепенно девальвируются, потому что при сокращении носителей и боезарядов одновременно и бесконтрольно одной из сторон, а именно США, наращивается количество противоракет, улучшаются их качественные характеристики, создаются новые позиционные районы, что в конечном итоге, если мы ничего не будем делать, приведет к полному обесцениванию российского ядерного потенциала».²⁴

Таким образом, с учетом наличия новых средств стратегического сдерживания Москва, возможно, более не заинтересована в новом договоре типа Договора по ПРО, поскольку новые российские ракеты легко преодолевают любую перспективную американскую противоракетную систему. Кроме того, планы Пентагона побуждают Россию придерживаться стратегии ответно-встречного удара и делают нереалистичными надежды на отказ от стратегии взаимного гарантированного устрашения в обозримом будущем.

В качестве ответа на американскую программу, в Послании были обнародованы шесть программ и проектов новейших вооружений России. Как заявил тогда В.Путин, Россия теперь ни за кем не гонится (в отличие от СССР времен «холодной войны»), а сама выходит на передовые рубежи военно-технического развития, предоставляя возможность другим догонять себя. В Послании эта тема акцентировалась многократно: «...ничего подобного ни у кого в мире пока нет. Когда-нибудь, наверное, появится, но за это время наши ребята еще что-нибудь придумают...».²⁵

Однако ведущие эксперты подвергают критике ряд этих систем (прежде всего, крылатую ракету «Буревестник» с ядерным двигателем и супер-торпеду «Посейдон») как избыточные, ввиду наличия у РФ сотен крылатых ракет, и так способных гарантированно поражать США, а также мобильных МБР и подводных ракетноносцев.²⁶ К тому же новые тяжелые «десятиголовые» ракеты «Сармат» в шахтах, даже с разрекламированными маневрирующими гиперзвуковыми управляемыми боевыми блоками «Авангард» (УББ), являются привлекательными мишенями для первого удара со стороны потенциального агрессора, и еще непонятно, насколько эффективно сработает комплекс активной защиты шахты «Мозырь».

Сомнения вызывает и возможность эффективной реализации объявленной способности стратегического ракетного комплекса «Сармат» атаковать США через Южный Полярный круг (на что, кстати, с 1970-х гг. принципиально способны тяжелые МБР). Такая траектория предполагает вывод ракеты на околоземную орбиту, а потом спуск с нее. Подлетное время будет намного длиннее, чем через Северный Полярный круг, а точность, видимо, ниже. США не смогут перехватить такие ракеты при подлете как с севера, так и с юга, ввиду большого количества имеющихся у них боеголовок и средств преодоления ПРО. Однако и внезапного

удара с южных азимутов у России не получится: запуск ракет засекается спутниками, а подлет – радарными, которые на морских платформах можно отбуксировать к южным берегам США.

Данные системы, разумеется, служат повышению глобального престижа России и ее статуса передовой военно-технической державы. Однако в плане оказания давления на Запад они имеют, скорее, политико-пропагандистское значение. Кстати, самих США такие системы не столько впечатлили, сколько «разозлили» после демонстрационного пропагандистского ролика российского министерства обороны с имитацией удара по штату Флорида. Упомянутые системы являются не только дорогостоящими, но и избыточными, с учетом наличия у РФ ракет «Тополь-М» и «Ярс», а также «Булавы-30» с их системами преодоления ПРО и непредсказуемыми зигзагообразными траекториями полета, а также целого семейства крылатых ракет: авиационных ракет типа Х-55СМ и Х-555, морских крылатых ракет семейства «Калибр» ЗМ-54 и ЗМ-14 разных модификаций, находящихся в процессе развертывания крылатых ракет воздушного базирования Х-101 и уже развернутых Х-102 с ядерным боезарядом. Сюда же можно добавить и широко разрекламированный «Кинжал» – «убийцу авианосцев» с дальностью 2000 км. Программа внедрения новых вооружений только удивила американцев и, безусловно, будет способствовать активизации и обоснованию их новых стратегических программ. В частности, в сфере ПРО Пентагон уже заявил об ускорении программы создания конвенционального гиперзвукового оружия «Глобальный молниеносный удар», наметив испытания на 2019 г.

Следует, наконец, упомянуть российский управляемый боевой блок (УББ) «Авангард», который производится серийно и предназначен для установки на перспективные межконтинентальные баллистические ракеты вместо традиционных боеголовок. Боевой блок доставляется на нужную орбиту доразгонным блоком и начинает работать примерно в 100 км от земли, планируя к цели на скорости 5–7 км/с. На подходе к цели гиперзвуковой летательный аппарат (ГЗЛА) способен активно маневрировать при помощи аэродинамических или газовых рулей. После принятия на вооружение тяжелой ракеты РС-28 «Сармат» гиперзвуковые блоки будут устанавливаться и на нее, а также на комплекс УР-100Н УТТХ (по классификации США – SS-19 «Стилет»). Мощность ядерного боевого заряда «Авангарда» превышает две мегатонны в тротиловом эквиваленте, что вполне достаточно для уничтожения «особо важных целей». В 2019 г. система «Авангард» поступает на вооружение в войска. Пентагон признал, что пока не имеет защиты от российского гиперзвукового оружия, и подтвердил его существование «не в анимации, а в реальности».

В РФ создается и противоспутниковое оружие, в частности мобильная наземная система «Нудоль» с дальностью 750 км. По словам источника из министерства обороны РФ, существует и целый ряд российских противоспутниковых систем, которые в прошлом были выведены из боевого состава, но могут вернуться в строй.²⁷ К ним относятся комплекс «ИС-МУ» на базе стратегической МБР на полигоне Байконур, система поражения низкоорбитальных космических аппаратов в составе самолета МиГ-31 и ракеты-перехватчика («Контакт»), технический задел по ракетно-космическим комплексам «Наряд-ВН» и «Наряд-ВР» на основе боевых ракет типа РС-18 (SS-19) (боевых ракет, установленных в шахтные пусковые установки, с боевыми космическими головками, то есть с космическими спутниками-штурмовиками). Также принят на вооружение лазерный комплекс авиационного базирования «Пересвет». С целью противодействия космическим аппаратам на низких орбитах противоспутниковые

возможности закладываются в системы зенитных ракетных комплексов С-400 и С-500. Разрабатываются технологии, позволяющие поразить космические цели с подводных лодок.²⁸

IV. Заключение

Стратегический ядерный потенциал России надежно обеспечивает ее безопасность и будет и далее наращиваться и совершенствоваться. К 2020 г. примерный паритет между стратегическими ядерными силами России и США сохранится. В соответствии с Договором СНВ в его действующей версии, РФ сохраняет статус равной США ядерной сверхдержавы. Поэтому вряд ли целесообразно запугивать население угрозой внезапного ядерного удара, как делает это сегодня значительное число так называемых экспертов и безответственных СМИ.

Для России было бы важно договориться с США, по мере возможности, и о дальнейших шагах на период после 2021 г. Вместе с тем, большинство российских и западных экспертов считает нереальным достижение принципиальных договоренностей с командой Трампа–Болтона.

Переход к режиму «свободного плавания» в сфере стратегических вооружений крайне опасен и чреват непредвиденными сценариями при ошибочной интерпретации угроз в критической ситуации. Необходимо поставить под контроль процесс дальнейшего развития и совершенствования ядерных сил как России, так и США и обеспечить взаимную предсказуемость, транспарентность и реализацию мер доверия, в т.ч. за счет обязательных уведомлений и продолжения интрузивных инспекций.

Было бы полезно, чтобы у России и США выработалось общее понимание сущности и параметров ядерного сдерживания и неприемлемости использования ядерного оружия в военных и политических целях, а также чтобы между двумя странами развивался диалог и сравнение ядерных доктрин. Следует учитывать, что Москве и Вашингтону предстоит столкнуться с тремя группами новых противоречий: между глобальными и региональными системами сдерживания, между обычными и ядерными вооружениями, а также между «традиционными» вооружениями и системами оружия, созданными на новой технологической основе.

Именно потому, что отношения между Москвой и Вашингтоном (вкуче с союзными ему европейскими столицами) находятся на самом низком уровне после окончания «холодной войны», жизненно необходимо ограничить ядерные риски и напряженность и предотвратить новую гонку ядерных вооружений. Вооруженный конфликт двух ведущих ядерных держав в мире имел бы катастрофические последствия для всего человечества. То, что в ядерной войне не может быть победителей, и она никогда не должна быть развязана (что в свое время констатировали лидеры СССР и США), не вызывает сомнений и сегодня. Было бы отрадно, если бы и на современном этапе Москва и Вашингтон смогли достичь хотя бы такого же уровня взаимопонимания, желательно закрепленного в виде соглашения. В будущем предстоит решать и вопрос о ядерных силах третьих стран.

Однако от администрации Д.Трампа ясных сигналов о желании хотя бы продлить Пражский договор 2010 г., не говоря уже готовности идти на дальнейшие сокращения вооружений, не поступает и, скорее всего, не поступит. В Республиканской партии сторонников контроля над вооружениями можно пересчитать по пальцам одной руки.

В условиях фактического выхода США из Договора РСМД продлить Договор о СНВ будет сложно, несмотря на сохраняющиеся робкие надежды некоторых российских и американских сторонников контроля над вооружениями. Двусторонние консультации по стратегической стабильности закончились ничем. Похоже, в Вашингтоне возобладает линия Дж.Болтона, согласно которой США не нуждаются в обязывающих, сковывающих их свободу действий и сложных международных договорах, а могут обходиться соглашениями *ad hoc*. По мнению российского МИДа и министерства обороны, договориться с США на двусторонней основе о дальнейших сокращениях стратегических наступательных вооружений более невозможно. РФ и США вышли на тот рубеж, когда число ядерных стратегических средств и носителей находится на самом низком уровне, начиная с рубежа 1950-х – 1960-х гг., и потому уже нельзя далее вести процесс сокращения, не принимая в расчет ядерные потенциалы других стран. Необходимо учитывать и все более тревожные явления в других сферах, влияющих на стратегический баланс и стратегическую стабильность в целом. Речь идет и об американской программе ПРО, и об усилиях США по разработке высокоточного оружия большой дальности, и о наращивании потенциала НАТО у границ России, и о появлении ударных вооружений в космическом пространстве.

В свою очередь, западные эксперты давно говорят о так называемом пакете Рябкова. Подчеркнув, что Москва готова и далее сокращать свой ядерный потенциал, достигнув, в конечном итоге, «полного и всемирного разоружения» (как этого требует Статья 6 Договора о нераспространении ядерного оружия), российский заместитель министра иностранных дел, однако, уточнил, что она готова это делать постепенно и при строгом соблюдении условий, которые могут стать надежной гарантией для всех. В частности, С.Рябков назвал следующие условия:

- участие в процессе разоружения всех государств, обладающих ядерным потенциалом;
- предотвращение милитаризации космоса;
- гарантии того, что страны не станут снова быстро наращивать военный ядерный потенциал;
- ограничения на традиционные виды вооружений, обладающие стратегическим эффектом, сравнимым с воздействием ядерного оружия (например, оснащенные традиционными боеголовками МБР);
- предотвращение создания односторонних систем ПРО, которые подрывают стратегическое сдерживание и международный баланс;
- решение региональных конфликтов, угрожающих перерасти в более масштабное противостояние;
- вступление в силу Договора о всеобщем запрещении испытаний.

Это, в числе прочего, означает, что, по мнению РФ, Китай (с учетом его растущего ядерного потенциала) и другие ядерные державы должны принимать более активное участие в процессах контроля за ядерными вооружениями.

По мнению большинства российских специалистов, продвижение по пути ограничения стратегических ядерных наступательных потенциалов невозможно без решения проблемы ПРО. На современном этапе проблематика противоракетной обороны является одной из ключевых тем контроля над вооружениями. Без ее решения невозможно дальнейшее движение по пути снижения военной угрозы в глобальном масштабе, взаимного сокращения ядерных вооружений и решения задач по укреплению стратегической стабильности во всем их многообразии. Однако этот вопрос является серьезным раздражителем в

отношениях России с западными странами и, прежде всего, с военно-политическим альянсом НАТО во главе с США. Соответственно, нахождение взаимоприемлемых решений в этой сфере способствовало бы укреплению доверия между РФ и ее партнерами по диалогу и создало бы предпосылки для продвижения к более безопасному и стабильному миру. России целесообразно предложить ряд конкретных первоочередных шагов, открывающих пути к выходу из нынешнего переговорного тупика вокруг проблемы ПРО и к принятию прагматических мер, не нарушающих национальную безопасность ни одного из государств. Вместе с тем, некоторые эксперты полагают, что тему ПРО не следует абсолютизировать. По их мнению, несмотря на то, что Россия публично придерживается традиционной позиции, на самом деле она более не заинтересована в давлении на США в целях выработки аналога ДПРО, имея мощнейшие средства преодоления любой нынешней и перспективной системы противоракетной обороны.

Так или иначе, противоракетные вооружения имеют особое значение для осмысления стратегической стабильности и на минувшем, и на нынешнем этапе эволюции военно-стратегической ситуации. В настоящее время только США имеют продвинутые программы их развития. Потенциал России весьма ограничен, даже с учетом наличия и модернизации Московского позиционного района ПРО (ОКР «Самолет-М»), возможностей таких систем, как С-400 и, в перспективе, С-500, а также комплексной структуры ВКО на евразийском пространстве. Это определяет влияние систем ПРО на глобальную стратегическую стабильность, стимулируя всеобщее традиционное соревнование «меча» и «щита».

В будущем Россия и США могли бы активизировать взаимные консультации по комплексу проблем стратегической стабильности, сравнению военных доктрин друг друга, устранению взаимных озабоченностей и укреплению доверия, включая вопросы ПРО, космических и высокоточных обычных вооружений. В процесс обсуждения следует вовлекать и другие ядерные государства, призвав их не наращивать ядерные арсеналы и повышать уровень прозрачности в ядерной области (хотя согласие таких стран откликнуться на данный призыв пока под вопросом). Не следует уходить и от обсуждения рамок будущих сокращений стратегических вооружений, которые, по мнению Москвы, возможны лишь с учетом всех факторов стратегической стабильности.

Теоретически Россия могла бы разработать на экспертной основе и продвигать комплексный пакет инициатив в сфере нераспространения и дальнейшего ограничения ядерных вооружений без ущемления национальных интересов. Например, по мнению авторитетного военного специалиста, бывшего начальника главного штаба РВСН генерал-полковника В.Есина, Россия вполне могла бы согласиться на американскую идею установления ограничения на уровне 400–500 оперативно развернутых носителей и 1000 боезарядов без ущерба своим программам модернизации и приоритетам сдерживания. Это, разумеется, возможно лишь при сохранении стратегической стабильности и аналогичных шагах со стороны Запада, которые пока не просматриваются. Как считает большинство российских военных экспертов, проекция нынешнего состава СЯС до 2020 г. оптимальна и обеспечивает России необходимое качество стратегической стабильности на фоне увеличения мобильности и защищенности шахтных пусковых установок ракет типа «Ярс» и «Сармат», ввода в строй подводных лодок с баллистическими ракетами и тяжелых бомбардировщиков с новыми крылатыми ракетами, новых глайдеров и систем преодоления ПРО.

Масштабная программа перевооружения стратегических сил, которую президент В.Путин огласил в мартовском Послании к Федеральному Собранию

2018 г., призвана обеспечить способность России уничтожить любых противников в любой точке мира с помощью принципиально новых стратегических средств без риска нейтрализации наступательного потенциала нынешними либо перспективными средствами ПРО или противовоздушной обороны (ПВО). Эта программа на Западе восприняли чуть ли не как объявление новой «холодной войны» и гонки вооружений и отказ от желания серьезно обсуждать проблемы сокращения СНВ или тематику ПРО. Однако не следует забывать, что после демонстрации новоявленной ядерной мощи России президент заявил: «Не нужно создавать для мира новых угроз, а нужно, наоборот, садиться за стол переговоров и вместе думать над обновленной, перспективной системой международной безопасности и устойчивого развития цивилизации... Россия к этому готова».²⁹

Россия, как и США, исходит из того, что дальнейшее двустороннее ограничение ядерных вооружений, ядерное разоружение и укрепление режима нераспространения ядерного оружия предполагают присоединение Великобритании, Франции и Китая к этому договорно-правовому процессу. Следующий раунд переговоров о контроле над стратегическими вооружениями должен быть многосторонним. Однако ни у Великобритании, ни у Франции нет четкой позиции относительно того, на какой стадии процесса разоружения они будут готовы договариваться об ограничении или сокращении своих арсеналов на юридически обязывающей основе или о том, какими должны быть цели подобной договоренности.

В конце концов эта идея была официально принята на форумах так называемой Большой пятерки постоянных членов СБ ООН («P5»). Встречи «P5» послужили форумом для интересных дискуссий и принятия общих документов, но их участники ни на шаг не приблизились к основной цели вовлечения третьих стран, обладающих ядерным оружием, в процесс ограничения ядерных вооружений. Страны-члены «Большой пятерки» тесно сотрудничали между собой в целях подготовки к Обзорной конференции ДНЯО-2015. В частности, была подчеркнута важность реализации Плана действий, принятого на Обзорной конференции ДНЯО 2010 г. Группа ядерных поставщиков обсудила прогресс, достигнутый в подписании Протокола к Договору о зоне свободной от ядерного оружия в Юго-Восточной Азии, одобрила создание безъядерной зоны в Центральной Азии и поддержала план о созыве конференции по созданию зоны свободной от оружия массового уничтожения (ОМУ) на Ближнем Востоке.

Наряду с этими документами, процесс «P5» привел к некоторым практическим инициативам. Одной из них стало создание рабочей группы во главе с Китаем по составлению первой части «Глоссария ядерных терминов» к началу Обзорной конференции ДНЯО-2015. На сегодняшний день это, вероятно, единственный осязаемый результат работы «пятерки». Еще одна рабочая группа была создана для решения проблем ядерных проверок.

Несмотря на пользу дискуссий и принятых в ходе упомянутых встреч документов, форумы «P5» не достигли ощутимого прогресса на пути к своей главной цели – привлечению всех пяти ядерных держав к участию в процессе ядерного разоружения путем вовлечения Великобритании, Франции и Китая (не говоря уже о неофициальных ядерных державах) в практические переговоры и соглашения. Общая позиция располагающих ядерным оружием третьих стран заключается в том, что в качестве предварительного условия для переговоров США и Россия должны сначала сократить свои арсеналы ядерного оружия до уровня, сопоставимого с потенциалами этих стран. Это представляется нереалистичным с учетом нынешней международно-политической конъюнктуры.

Многосторонние ограничения могут повлечь за собой возникновение новых асимметрий. Для России нецелесообразно, например, сокращение своего ядерного арсенала до уровня Франции в 300 развернутых боезарядов, что нарушило бы ее военный паритет с другими странами. Такое сокращение вряд ли осуществимо и в обозримом будущем, особенно в связи с неблагоприятной политической обстановкой и обострением многопланового противостояния с США и НАТО после начала украинского кризиса в 2014 г.

Теоретически одним из способов продвижения вперед при наличии политической воли и давления общественного мнения могла бы стать реализация предложения относительно разработки многосторонних мер по обеспечению транспарентности. Франция и Великобритания могли бы участвовать в многостороннем регулярном обмене данными о ядерных силах вместе с США, Россией и, при трудновыполнимом идеальном сценарии, с Китаем. Однако даже в случае будущего политического урегулирования украинского кризиса и улучшения международного положения, формат «P5», скорее всего, не сможет решить поставленной ему задачи.

Практически ни одно из европейских государств-членов НАТО не поддержало идею юридически обязательного запрета ядерного оружия, конвенция о котором была открыта к подписанию в сентябре 2017 г. При этом многие из них разрываются между трансатлантической солидарностью и необходимостью учета антиядерной позиции своей общественности. Кроме того, не все делали такие резкие заявления о неуместности инициативы, как Великобритания и Франция (вслед за США). Авторами резолюции о разработке Конвенции о запрете ядерного оружия стали Австралия и еще 50 стран, а всего документ поддержали 123 государства. Пять официальных ядерных держав не участвовали в конференции и выступили с резким совместным официальным заявлением.

В параграфе 27 Военной доктрины РФ 2014 г. говорится о праве РФ применить ядерное оружие «в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства». Этим объясняется отказ России присоединиться к принятой в июне 2017 г. Конвенции ООН о полном запрете ядерного оружия, которая не отвечает интересам российской национальной безопасности. Более того, есть основания опасаться, что она может негативно сказаться на положении дел на международной арене, прежде всего, в сфере ядерного нераспространения. Как заявил МИД РФ: «Разработка запретительной конвенции объясняется стремлением незамедлительно устранить ядерную угрозу, как это декларируют участники переговоров. Задача, несомненно, благородная, но они избрали для ее решения, мягко говоря, не самый рациональный и продуктивный путь».³⁰

Отношение России к документу четко выразил С.В.Лавров: «Мы не будем его подписывать, потому что считаем, что запрещение ядерного оружия в таком директивном порядке нереально. Пять официальных ядерных держав, да и неофициальные ядерные державы на это не пойдут, потому что уже согласованный принцип продвижения к безъядерному миру отражен в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), и этот принцип увязан с обеспечением всеобщей безопасности и стабильности».³¹ Министр озвучил основные моменты, традиционно определяющие подходы России к современной конфигурации системы глобальной безопасности и исключаящие отказ Москвы от ядерного оружия: развитие неядерных стратегических вооружений, опасения

по поводу возможного вывода оружия в космос, развитие системы ПРО и невступление в силу договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), который не ратифицировали США, а также Китай, Израиль, Иран и Египет.

По мнению российской стороны, ДНЯО полностью отвечает на вызовы в сфере ядерного нераспространения и не требует никаких доработок. Любая попытка «улучшить» договор может привести к его краху: слишком хрупка созданная им конструкция и слишком многоплановы противоречия между государствами-участниками. Очевидно, что запрет и полное уничтожение ядерного оружия достижимы в теории, но не на практике. Оно требует качественно новых международных условий и кардинально иного, неизмеримо более высокого уровня стратегической стабильности. Более того, с юридической точки зрения скоропалительно и неряшливо составленный текст конвенции, в случае его широкого применения, только подрывает усилия в многостороннем формате по продвижению задач ядерного нераспространения, а также постепенного и выверенного сокращения ядерных вооружений. Эти соображения сближают позиции «стран пятерки».

Вместе с тем, тематика многосторонних контактов по ядерному оружию представляется весьма плодотворной для расширения диалога России со странами ЕС, в частности с европейскими членами «большой пятерки». Последняя все более приобретает значение ключевого форума по проблемам нераспространения и контроля над вооружениями, особенно в условиях пробуксовки работы Конференции по разоружению и паузы в двустороннем диалоге по сокращению ядерной угрозы в формате РФ–США. В области многостороннего разоружения страны Европы практически полностью разделяют российские подходы, выступают в поддержку ключевых многосторонних режимов созданных, в частности, ДНЯО, Конвенцией о биологическом и токсинном оружии (КБТО), Конвенцией о запрещении химического оружия (КХО) и ДВЗЯИ, а ранее и ДРСМД, а также деятельностью ООН, ее разоруженческих органов и Конференции по разоружению в Женеве.³²

При всех сложностях и противоречиях современного этапа в развитии международных отношений и безопасности, в условиях почти полного отсутствия взаимного доверия, цель выживания цивилизации остается общей для всех крупнейших мировых держав, от которых зависит судьба человечества. Важно добиться предотвращения новых кризисных ситуаций и обеспечить надежное управление миропорядком (если его можно так называть) в условиях возникновения кризисных ситуаций. Выработка новой концепции стратегической стабильности приобретает в этом свете судьбоносное значение. Будет ли это двусторонняя российско-американская концепция или многосторонняя – вопрос, требующий прояснения в процессе дипломатических консультаций. Так или иначе начало процесса таких консультаций нельзя откладывать на потом.

Многие на Западе, несмотря на императивность режима антироссийских санкций, понимают, что период конфронтации с Россией чрезмерно затянулся, приобрел угрожающие масштабы, и пришло время начинать делать позитивные шаги навстречу друг другу. Западные партнеры прекрасно понимают, что без Москвы сегодня не решить ни одну международную проблему – будь то ситуация в Сирии и на Ближнем Востоке в целом, в Афганистане, вокруг Корейского полуострова или ядерной программы Ирана.

Перспективным представляется и диалог о предотвращении опасной военной деятельности и военных инцидентов в Европе, особенно с учетом расширения

присутствия сил НАТО у российских границ. Пока что в решении этих проблем нет продвижения.

Контакты между российскими и американскими официальными лицами уже идут: можно упомянуть, например, встречу секретаря Совета безопасности РФ Н.П.Патрушева и его американского визави – помощника президента США по национальной безопасности Дж.Болтона 22 октября 2018 г. Постоянно идет диалог с европейскими партнерами – Германией, Францией, Италией, Австрией и другими странами Европы.

Разумеется, было бы наивно обманываться ожиданиями, что санкции смягчат или вовсе отменят. Скорее они будут лишь усиливаться. Однако Россия не может ждать «милостей» от Запада. Задача Москвы заключается в том, чтобы по-хорошему агрессивно и наступательно, несмотря на нередкую апатию партнеров и их нежелание вести диалог с РФ, продвигать свою линию на переговорах по всему кругу международных проблем, включая повестку контроля над вооружениями, и прежде всего, ограничения стратегических вооружений.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. – М.: Министерство обороны, 2003. С. 42.

² Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. 30 декабря 2014 г.

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. 13 мая 2009 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/supplement/424>.

⁴ Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности. Государственный визит Президента СССР М.С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки, 30 мая – 4 июня 1990 года. Документы и материалы. – М.: Политиздат, 1990.

⁵ Путин В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 17 февраля 2012 г.

⁶ Выступление В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24 октября 2014 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46860>.

⁷ Vaddi P. Leaving the INF Treaty Won't Help Trump Counter China. Carnegie Endowment for International Peace Article. 31 January 2019. URL: https://carnegieendowment.org/2019/01/31/leaving-inf-treaty-won-t-help-trump-counter-china-pub-78262?wpisrc=nl_todayworld&wpm=1.

⁸ Мизин В. Как сохранить Договор о РСМД между Россией и США. Московский центр Карнеги. 30 января 2018 г. URL: <http://carnegie.ru/commentary/75320>.

⁹ History of the Department of State During the Clinton Presidency (1993–2001). Released by the Office of the Historian, Bureau of Public Affairs // U.S. Department of State Archive. Information released online from January 20, 2001 to January 20, 2009. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/ho/pubs/8520.htm>.

¹⁰ Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. По-быстрому не получится: могущество неядерных крылатых ракет иллюзорно // Военно-промышленный курьер. 21 октября 2015 г. URL: <http://vpk-news.ru/articles/27617>.

-
- ¹¹ Kristensen H., McKinzie M., Postol Th. How US nuclear force modernization is undermining strategic stability: The burst-height compensating super-fuze // Bulletin of the Atomic Scientists. 1 March 2017.
- ¹² Kristensen H. U.S. nuclear forces // SIPRI Yearbook 2017: Armaments, Disarmament and International Security. – Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), 2018.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ Nuclear Posture Review (NPR) 2018. – Washington D.C.: Office of the Secretary of Defense, 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF>; Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America: Sharpening the American Military's Competitive Edge. – Washington D.C.: U.S. Department of Defense, 2018. URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>.
- ¹⁵ Creedon M. A Question of Dollars and Sense: Assessing the 2018 Nuclear Posture Review. Arms Control Association Feature. March 2018. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2018-03/features/question-dollars-sense-assessing-2018-nuclear-posture-review>; Dews F. Watch: 2018 Nuclear Posture Review Tailored to 21st Century Threats. Brookings Institute analysis. URL: <https://www.brookings.edu/blog/brookings-now/2018/02/16/2018-nuclear-posture-review-tailored-to-21st>; Gautam B. Summary of the 2018 Nuclear Posture Review // Lawfare. 09.02.2018. URL: <https://lawfareblog.com/summary-2018-nuclear-posture-review>.
- ¹⁶ Лавров: США готовят ВС Европы к применению тактического ядерного оружия против России // ТАСС. 28.02.2018.
- ¹⁷ Wilkening D. A simple model for calculating Ballistic Missile Defense effectiveness // Science and Global Security. V. 8. № 2. 1999. P. 183–215.
- ¹⁸ Kingston R. Russian Strategic Nuclear Forces under New START . Arms Control Association Fact Sheet. March 2018. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/Russian-Strategic-Nuclear-Forces-Under-New-START>.
- ¹⁹ Путин: Россия создает недорогие, но эффективные системы преодоления ПРО // РИА Новости. 01.03.2018.
- ²⁰ Kristensen H., Norris R. Russian Nuclear Forces, 2018 // Bulletin of the Atomic Scientists. 4 May 2018.
- ²¹ Интервью с академиком РАН, генеральным конструктором СЯС Ю.С.Соломоновым // Военно-космическая оборона. 2011. № 6; Рогов С., Есин В., Золотарев П., Кузнецов В. Стратегическая стабильность в XXI веке // Независимое военное обозрение. 30.11.2012.
- ²² Карев И. Владимир Путин: «Россия будет наращивать возможности ВКО» // Национальная оборона. 2013. № 7. URL: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2013/0705/193911209/detail.shtml>.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>.
- ²⁵ Путин рассказал о неуязвимости новой крылатой ракеты для ПРО // Интерфакс. 01.03.2018.
- ²⁶ Арбатов А.Г. Угрозы стратегической стабильности – мнимые и реальные // Полис: Политические исследования. 2018. № 3. С. 7–29.

---

²⁷ Россия разрабатывает противоспутниковое оружие – Минобороны // РИА «Новости». 05.03.2009.

²⁸ Там же.

²⁹ Новое уникальное российское оружие призвано восстановить баланс сил в мире // Первый канал. 04.03.2018. URL: https://www.1tv.ru/news/2018-03-04/341911-novoe_unikalnoe_rossiyskoe_oruzhie_prizvano_vosstanovit_balans_sil_v_mire.

³⁰ В ООН завершается работа над текстом конвенции о полном запрете ядерного оружия // ТАСС. 04.07.2017.

³¹ Лавров заявил, что Россия не подпишет Договор о запрещении ядерного оружия // RT.com. 17.03.2018.

³² EU Strategy Against Proliferation of Weapons of Mass Destruction. Conseil UE 15708/03 1 DGE WMD EN Council of the European Union, Brussels, 10 December 2003. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/st_15708_2003_init_en.pdf.